

Синань только успел прибежать на место, как увидел лежащего бездыханным Имаи Тору. Он уже хотел броситься на помощь, но путь ему преградила сама воля мира.

— Сяо Цзю, это еще что?!

— Смерть Имаи Тору — неизбежное условие для того, чтобы Адзума Митинага стал Камнем Наездником. Мы... не можем вмешаться.

— Прости, Нань-цзян, я, наверное, совсем бесполезный?

Синань молча смотрел на происходящее, чувствуя собственное бессилие. Вскоре душа Имаи Тору начала уплотняться и приблизилась к нему.

— Я что, уже умер? — Имаи Тору посмотрел на мужчину с характерными миндалевидными глазами.

— Да, ты действительно умер. Теперь ты — призрак.

Синань отвел взгляд, взял себя в руки и, слегка улыбнувшись, произвел несколько пассов руками. В тот момент, когда он пробивался сквозь временной поток, Имаи Тору как раз испустил дух, и Синань смог отыскать лишь его душу. Имаи Тору оглянулся на Адзуму Митинагу, который в момент его гибели застыл в отчаянии.

— Я могу вернуться?

— Нет. Твоя смерть — это зафиксированный узел истории, необходимый для того, чтобы Адзума Митинага принял участие в Гран-при желаний. Ты сможешь сопровождать его только в облике духа. Когда настанет будущее, возможно, появится шанс на твое воскрешение.

Синань сложил пальцы в форме лотоса и прошептал заклинание, позволяющее Имаи Тору свободно перемещаться, не боясь солнечного света и не рискуя развеяться.

— По крайней мере, есть надежда... Спасибо, — горько усмехнулся Имаи Тору, стараясь держаться бодро.

Синань покачал головой:

— Прости, я опоздал.

Глядя на этого оптимистичного парня, Синань невольно почувствовал укол совести. Если бы он пришел хоть немного раньше...

— Нань-цзян, не забивай себе голову, так тебя поглотят внутренние демоны. Это уже свершившаяся история, нам остается только ждать подходящего момента.

Синань очнулся от своих мыслей, едва не впад в отчаяние.

— Нань-цзян, ты не бог. Просто делай все, что в твоих силах, чтобы совесть была чиста.

Красиво сказано — чистая совесть. Но много ли людей способны на это?

— Пусть меня и гложет, что в ближайшие годы я смогу лишь наблюдать за ним, ничего не предпринимая, но пока есть надежда... — Имаи Тору подумал, что все еще хочет воплотить свои идеалы в жизнь.

— Тогда удачи тебе, Имаи Тору.

Синань на время остановился, размышляя о смысле своих странствий. Что он вообще может сделать? Зачем он здесь?

— Если я буду просто выполнять задания, станет ли мне легче на душе? — глядя на смерть Имаи Тору, он впервые осознал, насколько он беспомощен.

— Нань-цзян... — система заволновалась. Нань-цзян расстроился, нужно срочно его утешить!

— Что вообще значит это слово — сожаление?

Обычные люди, которые умирают и воскресают; наездники, жертвующие собой ради идеального мира... Миру Нирама, родители Сакураи Кэйвы, тайна происхождения Курамы Неон... Мать Укиё Эйса, которую он мог видеть лишь мельком перед тем, как она исчезла; и он сам, погрязший в этом по уши. Короче говоря, Гран-при желаний — это сущий ад!

— Люди — существа эмоциональные, я не могу оставаться в стороне. Если даже я бессилен, то позвольте мне хотя бы зажечь для них маяк.

В груди что-то запылало. Синань поднял руку, и в его ладони появился ярко-красный пряжковый замок.

— Это что, Судзаку?

— Похоже на то! Судзаку, символ света и надежды!

Голос Сяо Цзю заметно расслабился. Только что он был как на иголках, ему показалось, что шкала очернения Нань-цзяна опасно подскочила. Наверное, померещилось.

— Это должно сработать. Отправляемся в следующую временную точку.

— Папа, мама! — Сакураи Сара в школьной форме с ужасом смотрела, как ее родители падают на землю. Она беспомощно кричала, колотя по невидимым стенам барьера, умоляя кого-нибудь спасти их.

— Беги, Сара! — успел крикнуть отец, прежде чем рухнуть.

— Кто-нибудь, спасите мою дочь! — взывала израненная мать.

Сару утащили прочь случайные прохожие, ее браслет порвался, и разноцветные бусины рассыпались по земле, вторя ее разбитому сердцу. Но едва ее уволокли, как перед супругами появилась огненно-красная фигура. Алая стрела пронзила Джамато, а огненные крылья окутали родителей и унесли их прочь.

— Почему я забыла о таком важном событии! — Сакураи Сара заливалась слезами перед братом.

— Джамато убили папу и маму? — Сакураи Кэйва застыл в оцепенении, а душераздирающий вой в его голове доводил Адзуму Митинагу до мигрени.

Один из рядовых Джамато повалил Кэйву на землю, другой схватил Сару, собираясь оттащить ее к боссу.

— Сестренка, сестренка! — я не могу спасти родителей, неужели я не спасу даже сестру?

Вдруг, раздавленный ногой Джамато, Кэйва услышал пронзительный птичий крик.

— Кто-нибудь, спасите сестру... — эта мысль была последним, что пронеслось в его голове перед тем, как он потерял сознание.

Сара свалилась на землю, а Джамато, который держал ее, превратился в пепел.

— Сара!

Она обернулась и увидела своих родителей, которые, как она думала, были мертвы.

— Я тоже умерла? Иначе как я могу видеть папу и маму?

Красная тень пронеслась мимо, ударом ноги отправив Джамато, топтавшего Кэйву, в полет. Красный Судзаку взмыл ввысь и впечатал монстра в землю так, что тот не смог выбраться.

Камень Наездник Святой Дракон — пряжка Судзаку. Голова дракона окрасилась в цвет пламени, а хвост Судзаку превратился в полы плаща. Общая гамма сменилась на красно-золотую. Чета Сакураи обняла своих детей, с благодарностью глядя на Святого Дракона.

В тот самый миг, когда они должны были погибнуть, с неба спустилось пламя, уничтожившее чудовищ, — оно перенесло их из прошлого в настоящее. Судзаку разорвал пространство, принес надежду и вернул родителей к жизни. Таким образом, временная линия не была нарушена: в том моменте они действительно погибли.

— Хорошо, что успел вас спасти.

Броня исчезла, и Синань без сил рухнул на землю. Использование пряжки Судзаку выматывало его не меньше, чем ультра-навыки. Он проделал огромный путь, прошел через три временные линии, и его тело было на пределе.

Лишь когда мать обняла ее, Сара пришла в себя, почувствовав, что она действительно жива. Гироли подобрал двух наездников и принес их в комнату отдыха. Саре с родителями пришлось вернуться домой — они были слишком измотаны.

Едва добравшись до комнаты отдыха, Синань слег с высокой температурой. Укиё Эйс, вернувшись после драки с Громилой, не успел порадоваться возвращению Нань-цзяна, как увидел его в таком состоянии.

— Что с тобой случилось? — Эйс положил влажное полотенце на лоб Синаня.

К счастью, жар вскоре спал, и Синань открыл глаза.

— Есть хочу, — он перевел тему. О деталях задания нельзя рассказывать тем, кто в нем не участвует.

Синань чувствовал такую слабость, что не мог даже пошевелить пальцем. После использования Судзаку он становился полуинвалидом. Пламя Судзаку прожаривало пользователя изнутри, пока его тело не достигало определенного стандарта. Сегодня он прожарил себя до состояния прожарки медиум.

Хочу есть, пусть лис меня покормит!

Синань сидел на диване, покорно ожидая свою кашу с яйцом и свининой. Кэйва был все еще без сознания, Гироли уже перевязал его раны. Синань только успел сделать глоток, как Кэйва закричал: Сестра! — и очнулся.

Синань, держа миску, медленно поплелся к комнате, где лежал Кэйва.

— Сестра, мою сестру забрали Джамато! — Кэйва ухватился за плечи Гироли, пытаясь приподняться.

— Тебе лучше отдохнуть, — посоветовала Курама Неон. Сейчас господина Си не было рядом,

некому было их лечить.

Хлюп!

Синань специально причмокнул, чтобы привлечь внимание.

— Господин Си, вы вернулись! — обрадовалась Неон.

— Мои родители погибли от рук Джамато, я не позволю забрать еще и сестру.

— Мне, конечно, приятно слышать, как Кэйва обо мне беспокоится, но ты должен беречь себя!

— Синань развернул телефон Кэйвы, показав, что с сестрой все в порядке. Кэйва с облегчением выдохнул.

— Когда ты вернешься, тебя ждет сюрприз, — улыбнулась Сара, глядя на спокойных родителей. — Так что, Кэйва, сражайся! Ради мира во всем мире!

Даже если она будет переживать, Кэйва все равно пойдет в бой. Он всегда был таким, он никогда не меняется.

Синань доел кашу, почувствовав прилив сил. Он передал миску старому лису, а затем, сложив пальцы, создал облако цветков камелии, чтобы исцелить Кэйву. В этот раз радиус действия был широким, и весь зал наполнился ароматом цветов. У всех восстановилась энергия, даже Гироли почувствовал себя обновленным. Синань с удивлением посмотрел на свои руки — похоже, его сила возросла.

Вскоре между ними разгорелся спор о сотрудничестве.

— Это игра ради воплощения идеального мира!

— Это вовсе не игра!

Адзума Митинага закрыл глаза, не желая спорить с этим наивным дураком:

— Я сражаюсь за то, что мне нужно, и ни за что не уступлю победу другим.

Синань видел, как стоящий рядом призрак Имаи Тору чуть не плачет: его лучший друг из-за его смерти стал одержим идеей уничтожить всех наездников. Курама Неон тоже покачала головой и ушла — у нее тоже была мечта, и она не собиралась сдаваться. Сакураи Кэйва опустил голову.

— Мы оба не ошибаемся. Людей, которые жертвуют собой ради спасения мира, не существует. Мы просто сражаемся за свое собственное счастье, — Эйс протянул Кэйве его куртку. — Если есть что-то, чего ты хочешь достичь, сражайся!

Кэйва взял куртку, его взгляд стал решительным. Кто сказал, что нет людей, готовых пожертвовать собой ради спасения мира? Он станет этой приманкой!

Взгляд изменился, подумал Синань, наблюдая за Кэйвой. Из робкого и неуверенного парня он превращается в настоящего героя. Вот в чем радость воспитания, подумал он, наблюдая за ростом своего кумира и получая от этого эмоциональное удовлетворение.

<http://bllate.org/book/22480/2368395>